

Спустя полмесяца у подножия горы официально вырос изящный кирпичный дворик под серой черепицей. Высокая каменная ограда сменила шаткий бамбуковый плетень!

Теперь здесь стало гораздо безопаснее и спокойнее. Сам дом в плане напоминал букву «П». По сравнению со старой лачугой жилая площадь увеличилась вдвое. Комнаты были светлыми, с большими окнами, выходящими на север и юг, что обеспечивало отличную вентиляцию. Мебель, сделанная из светлого дерева теплых тонов, придавала дому особый уют.

После шумного дня, посвященного переезду и угощению гостей, Вэй Цю и Чэн Шинань, едва закрыв за последним посетителем дверь, без сил повалились на кровать...

— Ши-гэ, у меня чувство, будто лицо от улыбок застыло! — пробормотал Вэй Цю, растянувшись поверх Шинаня.

Шинань подтянул его повыше, перевернулся и, укрыв мужа в объятиях, запечатлел поцелуй на его мягкой щеке.

— Трудно пришлось моему Цю-цю!

Услышав над ухом этот хриловатый голос, Вэй Цю почувствовал, как по телу пробежали мурашки. Он поерзал, пытаясь спрятаться поглубже в объятиях мужа. Шинань со смехом прижал его крепче.

Спустя время Вэй Цю лениво высунул голову и, глядя на просторную комнату, наполненную тонким ароматом свежего дерева, прошептал: — Будто во сне... Мы наконец достроили дом, у нас теперь настоящее гнездышко. Удивительное чувство!

Он вспомнил прошлый год, когда только пришел сюда: ветхая хижина, продуваемая всеми ветрами, вечный голод, когда крошечный кусок мяса они растягивали на несколько дней, экономя каждую крошку. Вспомнил зимние бури, когда даже после починки крыши они спали вполглаза, боясь, что кровля рухнет под тяжестью снега.

Каждую ночь Шинань вставал подкинуть дров и проверял толщину снежного наста на крыше, готовый в любой момент лезть наверх с лопатой. Любой шорох заставлял их вздрагивать — они опасались диких зверей, которые могли перемахнуть через низкий забор.

Вспоминая те тяжкие дни, Вэй Цю был безмерно благодарен Шинаню за защиту. Будь он один — скорее всего, погиб бы в первую же неделю.

Вэй Цю поднял голову и заглянул в красивые глаза мужа. Его взгляд был полон нежности и восхищения.

— Ши-гэ, какой же ты всё-таки молодец, — выдохнул он.

С поврежденной ногой, спотыкаясь, он привел его в свой дом. Отдавал все силы, чтобы обеспечить ему лучшую жизнь, рисковал собой в лесной чаще. Всё, что их сейчас окружало, было добыто Шинанем ценой невероятного труда, а порой и риска для жизни.

Этот мужчина был скуп на слова и не умел говорить красивые речи о любви, но он всегда молча доказывал свои чувства делом. Его любовь была похожа на весенний ветерок и одновременно на жаркое летнее солнце. Она окутывала сердце Вэй Цю так плотно, что в ней можно было утонуть. Вэй Цю смотрел на Шинаня, не отрывая сияющих глаз.

Видя этот чистый восторг и бездонную нежность в черных глазах супруга, Шинань почувствовал, как внутри всё закипает. Он кончиками пальцев приподнял подбородок Вэй Цю, приблизив свое лицо так близко, что их дыхание смешалось.

— Потому что у меня есть Цю-цю... Для тебя я готов на всё, чтобы у тебя было самое лучшее...
— твердо произнес Шинань.

С тех пор как этот маленький человечек появился в его жизни, Шинань ни на секунду не переставал думать о том, как сделать его дни идеальными. Глядя на его хрупкую фигуру, Шинань вечно боялся, что плохо его кормит.

Никто не знал, но если Вэй Цю съедал хотя бы на ложку больше обычного, Шинань мог радоваться этому полдня. Видеть Вэй Цю таким — живым, полным сил, а не болезненным и хилым — было для него высшей наградой.

От этих слов и пылкого взгляда сердце Вэй Цю пустилось вскачь. Он закрыл глаза, больше не желая сдерживаться, и с легкой улыбкой запустил руку под полы одежды Шинаня... Ладонь прижалась к твердым, горячим мышцам живота. Идеальные линии. Кончики пальцев медленно скользнули вниз, чувствуя, как тело мужа мгновенно напряглось. Улыбка на губах Вэй Цю стала шире.

— Цю-цю, рука... ну же, вынь её, — хрипло выдохнул мужчина, подавляя в глазах бурю желаний.

Вэй Цю проигнорировал просьбу, развязал пояс и отбросил его в сторону. Шинань не сводил с него горящего взгляда. В голове шла борьба: разум твердил, что еще рано, что нужно отдохнуть...

Но когда прохладные мягкие губы прижались к его губам, разум окончательно капитулировал. Вэй Цю, борясь с застенчивостью, углубил поцелуй. Его рука скользнула еще ниже...

Шинань шумно выдохнул и, окончательно придя в себя, тяжело навалился на Вэй Цю, придавив его к постели. В его взгляде теперь читалась первобытная жажда.

Вэй Цю, чье лицо залил румянец, поднял руки и развязал ленту в своих волосах. Его глаза, подернутые дымкой страсти, лишали Шинаня воли. Вэй Цю накинул ленту на шею мужа и легким рывком притянул его к себе. Он слишком сильно хотел этого человека.

Ночь сгустилась, и серп луны спрятался за облаками. Шумный дворик у подножия горы наконец погрузился в тишину, которую нарушил лишь один сдавленный, тяжелый вздох блаженства.

На следующее утро Вэй Цю проснулся, чувствуя ломоту в пояснице. Нашупав пустую постель, он прислушался — со двора доносились звуки метлы. Он сглотнул, но в горле было так сухо, словно там полыхал пожар. Попытавшись позвать мужа, он лишь сипло прохрипел — ему отчаянно хотелось пить...

Услышав хриплый голос, Шинань тут же вбежал в комнату: — Проснулся?

Он обнял мужа, чье тело было мягким и податливым.

Вэй Цю, не открывая глаз, прошептал: — Пить... хочу воды.

Шинань подал ему заранее приготовленную воду с медом. Вэй Цю приоткрыл один глаз и жадно выпил всё до капли.

Почувствовав, что жизнь возвращается, он покачал головой: — Больше не надо.

Шинань поправил выбившуюся прядь у его уха и натянул одеяло повыше: — Еще хочешь спать? Ложись, еще рано.

Вэй Цю устало закрыл глаза. На его шее и плечах не осталось живого места — всё было покрыто густыми багряными отметинами, а на бедрах красовались следы от пальцев! Вчерашняя ночь выдалась бурной.

Два новичка, лишённые опыта... сначала один дразнил до потери пульса, а другой терпел из последних сил. В итоге Шинань — этот «старый девственник», добравшийся до сладкого, — просто не смог вовремя остановиться.

Вэй Цю в какой-то момент всерьёз испугался, что испустит дух прямо в этой постели. Шинань был слишком неукротим; пожалуй, со своим хрупким сложением Вэй Цю в ближайшее время больше не стоит бросать ему такие вызовы...

Он перевернулся и уткнулся в грудь Шинаня. Вспомнив подробности ночи, он почувствовал, как слабеют ноги, и не удержался — ущипнул мужа.

— Плохо себя чувствуешь? — Шинань перехватил его руку и поцеловал пальцы.

— Поясница ноет!

В глазах Шинаня отразилось искреннее раскаяние — он жалел, что так разошелся, и принялся нежно массировать спину мужа. Приятные, в меру сильные нажатия убаюкали Вэй Цю, и он снова провалился в сон, проснувшись только к полудню. К тому времени Шинань уже приготовил обед...

Они сладко пообедали прямо на кане. Днём Вэй Цю уселся во дворе перебирать бобы, а Шинань ушел в поле проверить пшеницу — скоро должна была начаться жатва. Хотя колосья на целине и были редковатыми, но благодаря стараниям Шинаня зерно вышло наливным и полным. На следующий год, когда земля напитается, урожай будет еще лучше. Глядя на бобы, Вэй Цю с надеждой смотрел в будущее!

Дни бежали один за другим. Перед самой жатвой Шинань снова собрался в лес, и на этот раз Цянь Мин пошел с ним. У парня как раз закончилась временная работа в городе, и теперь, став семейным человеком, он горел рвением заработать.

Глядя на добротный дом Шинаня, Цянь Мин втайне мечтал до конца года подкопить денег и подновить свою старую лачугу.

— Цю-гэр, расскажи мне еще раз, как ты ту курицу острую делал? — Юнь-нян выглядела немного беспомощно.

Цянь Мин заладил, что хочет именно её, а у неё самой так вкусно не получалось. Линь Цао рядом усмехнулся, да и сам Вэй Цю не сдержал улыбки. Трое друзей сидели на опушке леса и собирали дикую зелень. Это была последняя волна — наступала жара, и травы быстро грубели, сочных побегов почти не осталось...

В последнее время Вэй Цю полюбил холодные салаты из трав — освежающие и пряные, они идеально шли с рисом!

— В такую жару только холодное и лезет, — приговаривал Вэй Цю, диктуя рецепт Юнь-нян.

Линь Цао тоже запоминал наставления: — Вчера сделал по твоему совету салат, так Дань-дань, который зелень на дух не выносит, две чашки уплел! Я аж испугался, как бы у него живот не лопнул...

— Ха-ха-ха! — рассмеялся Вэй Цю, вспомнив круглощекого малыша. — А ведь клялся мне, что не привереда. Ну, теперь-то я его поймал на слове!

Линь Цао только вздохнул: — Это он при тебе такой послушный, а дома — настоящий маленький разбойник!

Собрав всю пригодную зелень, друзья отправились к ручью, чтобы промыть её.

— Когда брат Мэн вернется? В этот раз он надолго уехал.

После стройки у Шинаня Мэн Цюань ушел с бригадой в соседний поселок.

Линь Цао прикинул: — Если до конца доделывать, то месяца два выйдет. Но на жатву точно вернется, иначе мы в поле не справимся.

Вэй Цю кивнул. У семьи Линь Цао земли было куда больше, чем у них, и без мужских рук там не обойтись!

Закончив со стиркой овощей, друзья разошлись по домам. Вэй Цю решил дожидаться Шинаня и поужинать вместе. По его расчетам, сегодня был третий день их похода — должны были вернуться к вечеру.

Смеркалось, а их всё не было. Вэй Цю начал беспокоиться. За высокой кирпичной стеной теперь не было видно опушки леса, как раньше сквозь плетень. Он загнал птицу в сарай и вышел к ручью. Небо окончательно потемнело, а тропа оставалась пустой.

У Вэй Цю похолодели руки. Обещали вернуться через три дня — что случилось? Неужели беда? Раньше Шинань никогда не задерживался дольше назначенного срока.

Вэй Цю метался по берегу, в голове проносились самые жуткие картины! Наконец, решившись, он запер ворота, зажег факел и направился к лесу. Он решил пройти немного вглубь, чтобы посмотреть... Вдруг они рядом?

«Всё будет хорошо, их же двое...» — твердил он себе, пытаясь унять дрожь в сердце.